

Нужна ли нашим университетам философия?

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-88-100

Антипов Георгий Александрович – д-р. филос. наук, проф., dr-eji2@yandex.ru
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» г. Новосибирск, Россия
Адрес: 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

Аннотация. Нынешнее положение университетской философии ни в коей мере не может быть признано удовлетворительным. В отечественных вузах она вытесняется на далёкую периферию образования, оказывается в густой тени науки. Как показано в статье, подобное положение обусловлено прежде всего непониманием сущности философского знания и его проблематики, а также доминантным положением науки в современной культуре. Философия есть рефлексия, «философствование», как определял М. Хайдеггер, самосознание личности и культуры. В этом своём качестве она выступает основной формой идентификации и адаптации субъекта к происходящим изменениям как в научном познании, так и в мире в целом.

Ключевые слова: философия, наука, рефлексия, мышление, проблема, материализм, идеализм

Для цитирования: Антипов Г.А. Нужна ли нашим университетам философия? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 88-100. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-88-100

Do Our Universities Need Philosophy?

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-88-100

Georgiy A. Antipov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., dr-eji2@yandex.ru
Novosibirsk State University of economics and management, Novosibirsk, Russia
Address: 56, Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

Abstract. Without any allusion to the times when philosophy was an intellectual dominant of university education, there is no way to consider the present stage of philosophy in universities satisfying. It is supplanted to a distant periphery at a modern university and ends up in a deep shadow of science. As it is demonstrated in the article, such a situation results from misunder-

standing of the essence and perspective of philosophical knowledge, as well as from the dominant position of science in modern culture. Philosophy is a reflection and a “philosophizing”; as it was determined by M. Heidegger, it is an individual’s and cultural identity. As such, it appears as the main form of subject’s identification and adaptation to the changes taking place in the scientific knowledge and in the world in general.

Keywords: philosophy at university, science, reflection, thinking, problem, materialism, idealism

Cite as: Antipov, G.A. (2021). Do Our Universities Need Philosophy? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 1, pp. 88-100. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-88-100 (In Russ., abstract in Eng.).

Философия «меж двух огней»

Странное дело: когда заходит речь о современном положении университетской философии в сфере высшего профессионального образования, нередко припоминают формулу одного из министров народного просвещения Российской империи: «Польза философии не доказана, а вред от неё возможен». Странность эта при ближайшем рассмотрении, однако, быстро испаряется. Преподавание философии, конечно, не запрещают, но с тех пор как университетская философия перестала выполнять идеологическую (охранительную) функцию, её начали последовательно и потихоньку убирать из университетов, сокращая отведённые на её изучение часы, переводя курсы философии в режим чуть ли не факультативов. И так поступают с культурной традицией, с одной из основных порождающих структур мировой культуры вообще, да и самих университетов! В чём же дело и, как водится, кто виноват?

Быть может, существуют всё же некие не очень проявленные в культуре обстоятельства, способствующие упомянутым популизмам? Ведь мог же Н.А. Бердяев говорить вот такое: «Поистине трагично положение философа. Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищённая сторона культуры. Постоянно подвергается сомнению самая возможность философии, и каждый фило-

соф вынужден начинать своё дело с защиты философии и оправдания её возможности и плодотворности. Философия подвергается нападению сверху и снизу, ей враждебна религия и наука. Она совсем не пользуется тем, что называется общественным престижем. Философ совсем не производит впечатления человека, исполняющего “социальный заказ”» [1, с. 1]. У Бердяева, там, где он характеризует отношения науки, философии и религии (теологии), фигурирует метафора «сдавливания». Философ «сдавливается между двумя силами – религии и науки – и с трудом может дышать».

Попутно заметим, что тематически близкие бердяевским рассуждения можно найти у Бертрана Рассела. Он писал: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Всё *точное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные

ответы теологов более не кажутся столь же убедительными как в предшествующие столетия» [2, с. 7].

В чём же дело? Чем объяснить этот существующий по отношению к философу, как выражается Бердяев, *gessentiment*? Его общий ответ: философия не ориентирована на выполнение «социального заказа», в отличие от науки и религии. В переводе на язык современной социологии – наука и религия суть социальные институты, философия же таковым не является, выступая как некое маргинальное социокультурное образование. Рассуждения Бердяева, касающиеся данных обстоятельств, производят впечатление *плача*: «Мы должны констатировать социальную незащищённость философии и философа. Философия не выполняет непосредственных социальных заказов. Философ видит даже своё достоинство в том, чтобы стать выше предъявляемых ему социальных требований. Философия не социальна, философия персональна. Религия и наука, столь разные по своей природе и столь часто враждующие, социально защищены, они выполняют социальный заказ, за ними стоят коллективы, готовые их защищать. Философия социально незащищена, за ней не стоят никакие коллективы. Философа никто не станет защищать. Даже экономическое положение его самое незащищённое. Философ должен в своём разуме, а не в разуме других раскрыть истину, раскрыть сверхчеловеческое и божественное. Он познаёт не через коллектив. В философе всегда есть что-то от Спинозы и от спиновской судьбы. Социальная незащищённость философа и персоналистический характер его философии напоминают положение пророка и пророческие суждения» [1, с. 10].

Рассматривая положение философии на институциональном уровне, Бердяев констатирует впадение её в зависимость от науки. Понятием, квалифицирующим эту ситуацию, выступает «сциентизм». В средневековые философия была включена в

религиозный контекст, существовала в симбиозе с теологией («служанка богословия»), в XIX в., особенно после Конта, философия окончательно подчиняется науке. В этом Бердяев видит основное проявление трагизма современной философии: «Философа не хотят признавать свободным существом. Не успел он освободиться от подчинения религии, вернее теологии и церковной власти, как потребовали его подчинения науке. Он освобождается от власти высшего и подчиняется власти низшего» [1, с. 9].

Итак, вопрос: не находим ли мы в рассуждениях Бердяева и Рассела ответ о предпосылках того незавидного состояния философской мысли, философии в целом, о котором было сказано вначале?

Философия есть философствование

Идентифицировать философию нужно «из неё самой», писал Хайдеггер: «Философию нельзя уловить и определить окольным путём и в качестве чего-то другого, чем она сама. Она требует, чтобы мы смотрели не в сторону от неё, но добывали её из неё самой». Дорожку, чтобы пробиться сквозь малопролазные кустарники хайдеггеровской мысли, как кажется, показывает в данных обстоятельствах следующее его суждение: «Философия осуществляется всегда в некоем фундаментальном настроении. Философское схватывание коренится в захваченности, а эта последняя – в фундаментальном настроении» [3, с. 329; 332]. В «переводе» на более специализированный язык это фундаментальное настроение может трактоваться как *рефлексия*.

В мышлении и познании вообще возможны две существенно разные позиции («фундаментальных настроения»), занимаемые субъектом. Одна из них может быть определена как арефлексивная (aR-позиция). Занимая её, мыслящий субъект полагает предмет мышления как нечто внешнее по отношению к собственному Я и в этом смысле как не-Я, что выражается словами «вещь», «тело», «объект». Способность человека занимать

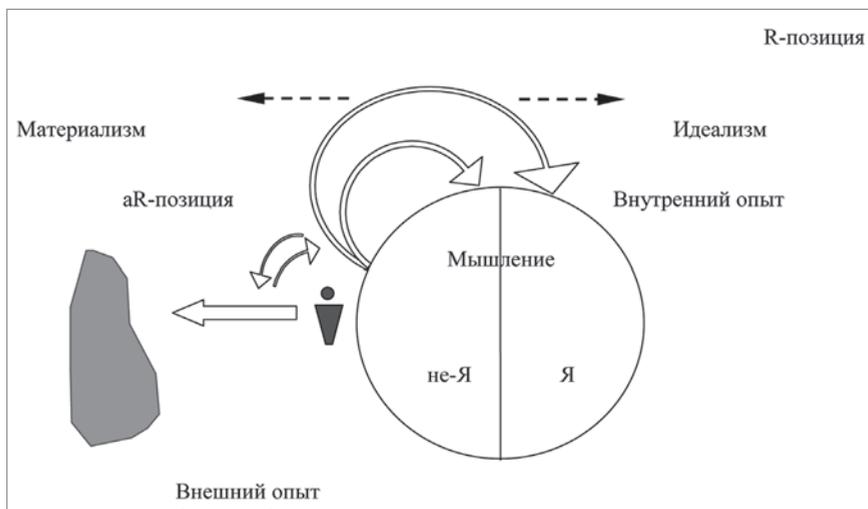

Рис. 1. Соотношение позиций «идеализма» и «материализма»
 Fig. 1. The relationship of "idealism" and "materialism" positions

Источник:

данную позицию объективно обусловлена физической, телесной выделенностью его из окружающего мира. Этой морфологической выделенностью органических систем, а значит, и необходимостью их адаптации к внешнему миру обусловлено возникновение и существование психики вообще, начиная с простейших её видов, например, элементарной сенсорной психики. Но человеческая психика, мышление характеризуются ещё только ей присущей способностью полагать в качестве предмета мысли самоё мысль, мыслящее Я. Это – рефлексия, а, соответственно, позиция, выражающая данную направленность мышления, может быть квалифицирована как рефлексивная (R-позиция). Схематически отношение двух указанных позиций можно представить следующим образом (Рис. 1).

Обратившись к энгельсовской формулировке «великого основного вопроса» философии, мы можем трактовать её как различие и противопоставление двух указанных позиций. «Первичность», о которой говорит Ф. Энгельс, имеет смысл только в двух отношениях. Материя (не-Я) первична по отношению к сознанию, если сознание ото-

ждествлять с формами практического опыта, а также с формами научного знания. Материализм выступает как их основание, как необходимая мировоззренческая предпосылка (фундаментальная настроенность). Хорошей иллюстрацией может служить замечание В.И. Вернадского, согласно которому «влияние материализма – в разных его проявлениях – на научную естественно-историческую работу вполне понятно, и даже неизбежно, так как материалистическая философия представляет течение реализма, то есть общей почвы науки и философии при изучении проблем внешнего мира. Натуралист в своей работе исходит из реальности внешнего мира и изучает его только в пределах его реальности» [4, с. 136].

О первичности материи, а точнее, практики – в том смысле, который придал этой категории К. Маркс (материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека), правомерно говорить в плане происхождения сознания, имея в виду, что исторически исходной формой сознания выступает практический опыт. С этой точки зрения самосознание, рефлексия вторичны. Как считал, например, К. Ясперс,

формирование способности к самосознанию составило содержание «осевого времени» (800–200 гг. до н. э.). «Новое, возникшее в эту эпоху... – писал он, – сводится к тому, что человек осознаёт бытие в целом, самого себя и свои границы... Всё это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление» [5, с. 33].

Важно при этом учитывать, что и категория идеального, – а «идеализм» философский есть отдавание ей примата, – теряет смысл вне отношения к рефлексии, ибо она как раз и характеризует сознание с точки зрения свойства, обнаруживаемого им в актах осознания. Ведь здесь мы имеем отношение одной мысли к другой. Понятно, что к отношению подобного рода неприменимы никакие вещественно-энергетические характеристики. Теми же путями возникает и представление о душе, духе как о явлениях иной, чем тело, природы. В этих представлениях находит выражение рефлексивное восприятие проявлений своей собственной психической деятельности мыслящим Я.

Итак, материализм и идеализм суть выражение двух различных позиций, с которых может осуществляться мыслительная деятельность. Вектор первой ориентирует мышление «вовне» относительно мыслящего Я, вектор второй – «внутри», на самое это Я.

Рефлексия, делая предметом мышления мыслящее Я, может выделять три существенно разных его аспекта, или «измерения».

1. Рефлексия акцентирует только инициирующее, творческое проявление Я, при этом Я выступает как центр свободы, организатор мысленной реальности. Данную позицию хорошо выражают слова американского философа и физика, нобелевского лауреата по физике П. Бриджмена: «Я стою один во Вселенной с одними лишь интеллектуальными орудиями, которыми я обладаю... В известном смысле я лишь играю в захватывающую умственную игру с самим собой». Подобный подход получил название субъективного идеализма, или солипсизма (крайняя форма

субъективного идеализма). Наиболее яркое выражение субъективный идеализм получил в учениях английских философов XVIII в. Д. Беркли и Д. Юма.

2. В рефлексии фиксируются преимущественно те стороны мыслимой реальности, которые не зависят от Я, осознаваемого в качестве центра свободы, а потому они воспринимаются как некие объективные сущности. Однако их объективность иного рода, нежели та, которой характеризуется природа, материя, не-Я. Это объективность идеальной реальности, воспринимаемой потому как некое сверх-Я.

Исторически первым прецедентом обнаружения сверх-Я в европейской философии стал «демон» Сократа. В своей защитительной речи перед судом присяжных Афин Сократ говорил: «Началось у меня это с детства: возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен сделать, а склоняет к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и возбраняет мне заниматься государственными делами». При всём разнообразии существующих в истории философии трактовок сократовского «демона» в наибольшей степени выражает суть дела, например, представление, согласно которому «это своего рода полумифологическое олицетворение и полуметафорическое выражение всеобщего (истинного и объективного), содержащегося во внутреннем мире человека, в его разуме и душе».

Тип философии, принимающий за исходное основание философствования объективную идеальную реальность, могущую, правда, получать разное терминологическое выражение, принято называть объективным идеализмом. В наиболее отчётливой форме позиция объективного идеализма нашла выражение у представителя немецкой классической философии Гегеля. Объективная идеальная реальность фигурирует у него под именем объективной идеи.

3. Обращаясь на реальность, представленную в мышлении Я, самосознание обнару-

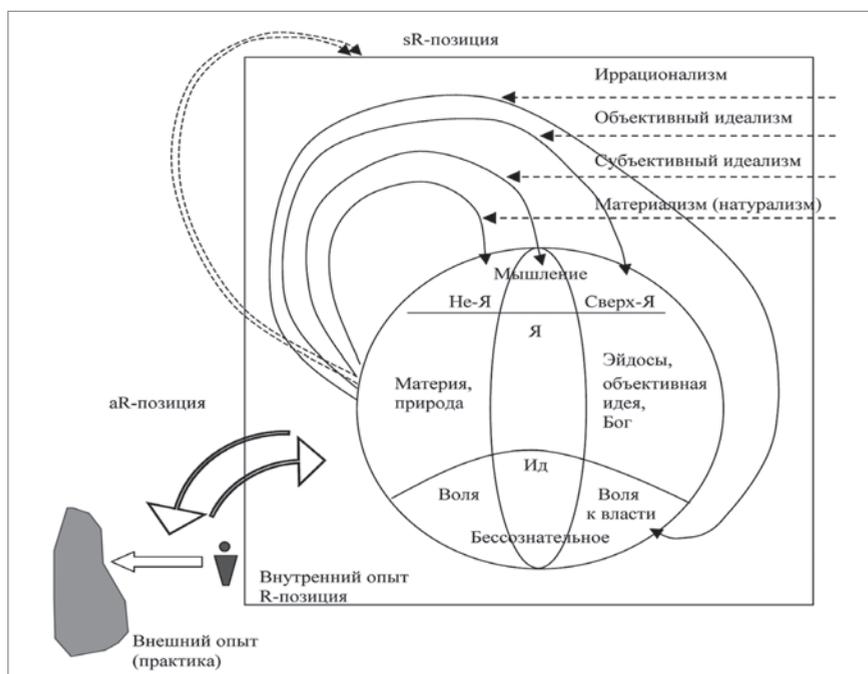

Рис. 2. Предмет философии: возможные позиции
 Fig. 2. The subject of philosophy: possible positions

Источник:

живает в ней такие области, которые имеют внерациональную, то есть нелогическую, непонятную форму. Вместе с тем эта область проявляет свойство объективности в том же смысле, в каком оно присуще сверх-Я. Используя терминологию З. Фрейда, её можно обозначить термином «Ид». В философской традиции, в частности у А. Шопенгауэра, она фигурирует под именем воли, у Э. Гартмана – бессознательного. Поскольку основой миропонимания полагается нечто недоступное разуму или инородное ему, такой тип философии квалифицируется как *иррационализм*.

Соотношение обозначенных подходов и позиций, в целом, характеризующих предмет философии, представлено на *рисунке 2*.

Что же касается самой этой модели философского знания, то позиция, с точки зрения которой она построена, может быть обозначена как суперрефлексивная (SR), другими словами, в ней представлена рефлексия вто-

рого порядка, рефлексия над рефлексией. Как можно видеть, в ней присутствуют терминологические совпадения с фрейдистской моделью личности, основные элементы которой выражаются понятиями «Ид», «Эго» («Я») и «Суперэго» («сверх-Я»). Отмеченное совпадение не является, конечно, чем-то внешним и случайным. Дело даже не в том, кому из философов – Декарту, Шопенгауэру, Фихте или кому-то другому – следовал З. Фрейд или испытывал их влияние. Существенно и принципиально то, что в своём учении он воспроизвёл в основных аспектах структуру рефлексии, присутствующую и «отрабатываемую» во всей философской традиции, и отождествил её с психической сущностью личности. Новация Фрейда заключалась в синтезе высвечиваемых рефлексией (что всегда и было функцией философии) оснований человеческого бытия, в их иерархизации и представлении в виде функционирующей системы. Фрейдизм наукообразен,

но не научен. Важно и то, что появление психоанализа совпало с общим поворотом мировой философской мысли от науки – к проблеме человека. В этом секрет огромного влияния, которое фрейдизм оказал на большинство направлений философии XX в.

Мышление в целом – осуществляется ли оно с арефлексивной или рефлексивной позиции – всегда предполагает оценку его результатов. Это касается и обыденного, практического опыта, и научных и философских концепций. В научном познании, например, основание оценки его продуктов – знаний – осознаётся как соответствие знания исследуемому объекту. Сама проблематичность оценки и отношения к таковой других мыслящих Я предполагает своим конечным основанием принципиальное решение вопроса о возможности или невозможности оценочной деятельности. Таких решений может быть три: однозначно положительное, однозначно отрицательное и двусмысленное, неопределённое, выражаемое в виде сомнения, недоверия. Последние две позиции обозначаются терминами «агностицизм» и «скептицизм». Отчётливое выражение они нашли уже в древнегреческой философии. Так, один из старших софистов Горгий (V–IV вв. до н. э.) учил: «Ничего не существует, а если и существует, то непостижимо, а если и постижимо, то не высказываемо и необъяснимо (для другого человека)».

Итак, главная особенность философского мышления заключается в его рефлексивности. Философия по способу теоретического освоения действительности есть культивированная, приобретающая вид традиции форма рефлексии. Специфика философии, её предмета в конечном счёте и сводится к тому, что рефлексия и рефлексирование становятся для неё основным содержанием и целью. Для философского сознания, подчёркивал, например, даже материалист К. Маркс, «постигающее в понятиях мышление есть действительный человек, и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир» [6, с. 727].

Философия и наука

Философия в ряде существенных пунктов отличается от научного познания. В этом смысле, вопреки довольно распространённому мнению, философия не является наукой, а перенос на неё стандартов научности искажает её подлинный предмет, принося немалый вред.

Проблема нахождения критериев, позволивших бы отделить научное знание от ненауки, от псевдонауки, от идеологии и от философии, получила название проблемы демаркации. В ходе её обсуждения, особенно в философии науки XX в., было выделено несколько характеристик, отличающих науку от других форм духовной деятельности, в том числе и от философии.

Верификационный критерий. Наука стремится подтверждать свои гипотезы, законы, теории с помощью эмпирических данных (фактами, наблюдениями, экспериментами). Философия в этом не нуждается.

Фальсификационный критерий. Утверждения науки должны быть не только эмпирически проверяемыми, но и в принципе опровержимыми, если не в настоящий момент, с помощью наличных средств научного познания, то хотя бы в виде указания на возможный эксперимент, осуществление которого привело бы к опровержению данной теории. Утверждения философии эмпирически не проверяемы и неопровержимы.

Парадигмальный критерий. В каждой науке существует определённый набор стандартов познавательной деятельности, своего рода образцов, принимаемых большинством членов научного сообщества в качестве руководства для действия и основы для дальнейшей работы. Американский философ и историк науки Т. Кун выразил данный аспект науки в понятии «парадигма». Правда, следует иметь в виду, что Кун вводил ещё одну характеристику науки – дисциплинарную матрицу, характеристику объективную, не зависящую от восприятия науки научным сообществом (чем и является «парадигма»). В философии никогда не было господствующей парадигмы.

Для неё характерен плюрализм школ и направлений. Каждый более или менее самостоятельный мыслитель чаще всего претендует на создание своей собственной философской системы. Тем более бессмысленно искать в философии нечто подобное дисциплинарной матрице.

Методы. В науке есть специализированные методы получения знания: наблюдение, измерение, эксперимент. Наука оперирует количественными понятиями и использует математический язык. Ничего этого в философии нет. В какой-то мере философствование напоминает математическую аксиоматику – в том, что предлагаемые философом решения выводятся из принятых им «основоположений», своего рода постулатов, которые, как и в математике, не предполагают эмпирического обоснования [7].

Проблемы. Процесс научного познания представляет собой решение общезначимых задач. Это принципиально разрешимые по принятым в науке правилам проблемы, результаты решения которых, если они соответствуют определённым критериям, принимаются всем научным сообществом. В философии общезначимых проблем не существует, как не существует объективных критериев их оценки. Как говорил Р. Декарт, «нельзя представить себе ничего настолько абсурдного или неправдоподобного, чтобы не быть доказанным тем или иным философом». К философским теориям неприменима оценка на истинность и ложность. С этим связаны особенности развития философского знания. В росте научного знания присутствует кумулятивный эффект, к философскому же знанию неприменимы критерии количественного и качественного роста. «Философскому мышлению, – говорил К. Ясперс, – ко всему прочему, не свойственна, как, то имеет место в научном знании, вовлечённость в некий прогрессирующий процесс. Разумеется, мы ушли значительно дальше Гиппократы, греческого врача, но вряд ли есть основания говорить о том, что мы превзошли Платона. Только в области

научных данных, которые он использует, мы добились преимущества. В философствовании же как таковом мы, быть может, едва ли вновь приблизились к нему» [8, с. 248].

Язык. В конкретных науках вырабатывается комплекс строго определённых понятий и терминов, специфический язык. О специальном языке философии говорить не приходится. Язык философии расплывчат и неопределён. В разных философских системах одни и те же термины приобретают разный смысл. Общей предпосылкой различий между философией и наукой служит несовпадение арефлексивной (наука) и рефлексивной позиций мышления (философия). Наука представляет мир в форме объекта, как он существует «сам по себе», независимо от субъекта, философия же видит мир в его человекообразности, через его отношение к субъекту. Философия есть рефлексия и экспликация оснований человеческой жизнедеятельности. Эти основания заключают мир смыслов. Смыслы не являются элементами телесного мира, их существование и свойства открываются не научным познанием как таковым, а рефлексией. Реальность смыслов имеет сверхчувственный характер. Психолог мог бы сказать, что «особость» данной реальности заключается в невозможности её прямого наблюдения. Поэтому лингвистическое определение понятия «смысл» невозможно, либо оно находится за границами языка, современной теории информации. Иными словами, смыслы стационарованы во внутреннем опыте, в отличие от внешнего, основанного на практически-чувственном отношении к миру. Философская рефлексия есть непосредственная экспликация всеобщих оснований человеческого бытия, что находит выражение в понятии «смысл жизни».

Рефлексивный анализ смыслов как некой первичной данности, рассматриваемых в их соотношении с предметами, стал основным, определяющим аспектом *феноменологии* – одного из главных направлений философии XX в. Её создатель – философ Э. Гуссерль – разработывал особый метод исследования

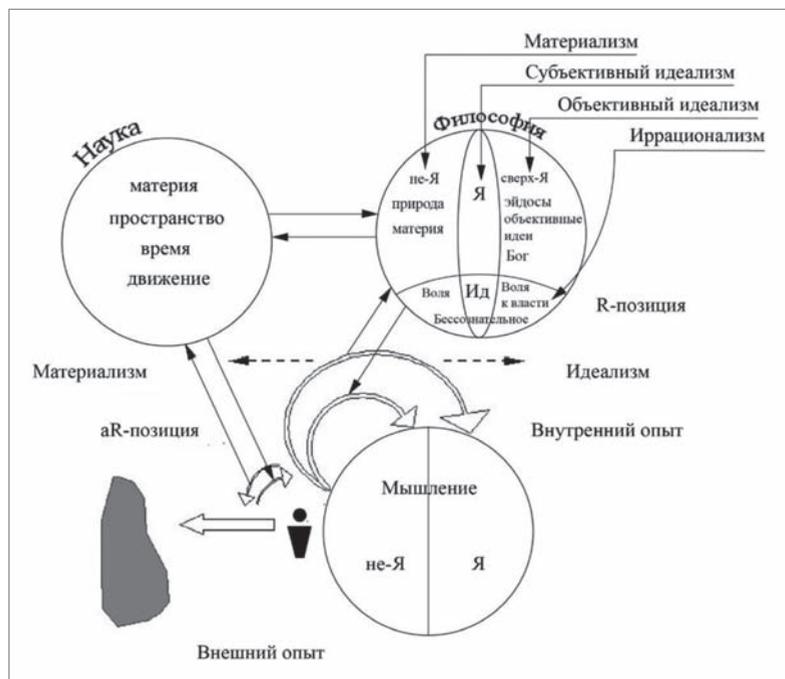

Рис. 3. Наука и философия
Fig. 4. Science and philosophy

Источник:

смысловых структур в их первичной подлинности, «очищенной» от всякого рода идеологических, обыденных, научных привнесений и схем. Гуссерль называл это феноменологической редукцией, определяя феноменологию в целом как «дескриптивный (описательный) метод», применение которого способно «обеспечить единственно надёжную основу». С этой точки зрения вполне правомерно утверждать, что «феноменология... есть момент всякой философии» [9, с. 100].

В целом отношение науки и философии можно представить следующим образом (Рис. 3).

Можно отметить, что представленные в философии позиции типа идеализма, реализма, волюнтаризма, иррационализма, Карл Поппер интерпретировал как «метафизические исследовательские программы» (отличать от «научных исследовательских программ» И. Лакатоша). В отличие от собственно научной теории метафизическая

теория нефальсифицируема. Поппер в этом контексте использует иногда понятие «метафизической веры» и распространяет на данную область свой принцип критицизма [10, с. 181].

Философия и философия науки

Изложенное позволяет вынести определённое заключение о месте и роли философии в культуре, в человеческой жизнедеятельности. Если наука представляет собой форму производства и накопления знаний определённого типа (могущих служить средствами изменения мира), то философия – это форма аккумуляции опыта рефлексии, опыта деятельности в сфере идеального.

Философия есть особый способ мышления, требующий определённых навыков. В этом и только в этом смысле можно говорить о «методе философии», поскольку в собственном смысле метод есть упорядоченная совокупность действий, совершаемых для

достижения той или иной цели или решения задачи. Будучи особым видом мышления, рефлексией, размышлением о самих мыслях, философия часто воспринимается как нечто недоступное и непонятное, а потому, в обыденном мнении, никчёмное и пустое. Герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь» изъяснялся так: «Философия... это одно пустобрёхство и наводка теней. Я, товарищи, этой бузой заниматься не имею никакой охоты». Однако поскольку философия является проявлением мыслительной деятельности вообще, она может представляться чем-то совершенно тривиальным, в чём каждый вправе считать себя компетентным. Общий смысл изучения философии заключается поэтому в приобретении навыков философствования. «Но теоретическое мышление, – писал Ф. Энгельс, – является прирождённым свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» [11, с. 366].

Приведём поясняющие иллюстрации. Хорошо известны слова Эйнштейна: «Достоевский даёт мне больше, чем Гаусс». Их часто повторяют. В чём, однако, их подлинный смысл? И.К.Ф. Гаусс – выдающийся математик, внёсший вклад в развитие геометрии, а именно той традиции математики, которая привела к созданию неевклидовой геометрии Лобачевского – Бойяи. В частности, Гаусс в ходе своих размышлений приходил к выводу, что евклидова геометрия отражает лишь геометрию физического пространства, но возможны в качестве логически непротиворечивых и иные геометрии, где, например, допускается, что сумма углов треугольника меньше 180° . Совершенно очевидно, что выводы Гаусса предполагали рефлексивную аналитику: Гаусс размышляет о математическом знании в плане реализма (материализма), с точки зрения его отношения к объективной реальности. Подобной же рефлексии как предпосылки требовало и

создание теории относительности. «Раньше думали, – пояснял Эйнштейн, – что если в результате некоего чуда в мире исчезнут все вещи, то пространство и время останутся. Я же считаю, что вместе с вещами исчезнут и пространство, и время».

К сказанному стоит добавить, что в своём опыте рефлексии по поводу пространства и времени Эйнштейн имел и прямого предшественника, философа Г.В. Лейбница. Согласно Лейбницу, «когда говорят, что бесконечное пространство не имеет частей, то это значит, что оно не составлено из конечных пространств и могло бы существовать даже тогда, когда исчезли бы все конечные пространства. Это было бы то же самое, как если бы, принимая картезианское представление о телесной, бесконечно протяжённой вселенной, говорили в то же время о дальнейшем её существовании даже после уничтожения всех отдельных тел, её составляющих...». «Говорят, – писал он, полемизируя с последователем Ньютона С. Кларком, – что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от того или иного положения тел, тем не менее оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своём существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования... Я вовсе не говорю, что материя и пространство – одно и то же, а лишь утверждаю, что без материи нет пространства и что пространство само по себе не представляет собой абсолютной реальности» [12, с. 451; 455; 485].

Мы видим, таким образом, что Эйнштейн почти дословно повторил слова Лейбница, в которых представлены результаты рефлексивного философского анализа категорий пространства и времени. И не суть важно, был ли Эйнштейн знаком с перепиской Лейбница с Кларком. Существенно, что именно переосмысление фундаментальных поня-

тий реальности позволило сформулировать собственно научную задачу – каковы закономерности, связывающие пространство, время и движение, – и выразить её решение в математических формализмах. Всё это делает вполне понятным отзыв Эйнштейна о влиянии на него Достоевского. В его литературных героях представлена исключительно точная картина рефлексии, её сложные траектории и ступени. Конечно, предметом рефлексии у автора «Преступления и наказания» выступают не пространство и время, а добро и зло. Но суть дела от этого не меняется. В персонажах Достоевского с наибольшей полнотой и выразительностью воплощён в художественно-образной форме социологический тип «русского Гамлета», интеллигента именно в российском смысле этого слова, для которого рефлексия оказывается первичной и определяющей по отношению к плотской и практической витальности.

Итак, для решения профессиональных задач учёные «вынуждены» заниматься не свойственным для них делом – анализировать смысл используемых фундаментальных понятий, из мира физической («материальной») реальности они окунаются в мир идеального, что требует и овладения неспецифическими для физиков навыками. К такому выводу приводит как раз ситуация в физике XX в. и та роль, которую в ней играли, например, Эйнштейн и Бор. Революция в естествознании, формирование новой картины мира породили пристальный интерес к основаниям науки, к анализу всей системы «гносеологических отношений», в которые включён учёный, решающий свои познавательные задачи. Наблюдается целый всплеск философских дискуссий с активным участием самих творцов нового естествознания, прежде всего – новой физики. При этом в центре внимания оказываются не только традиционные проблемы научной рациональности, но и вообще онтологический статус исследователя, его место и роль.

Наука XIX в. к этой проблематике «равнодушна», так как сама познавательная ситу-

ация в ней никоим образом не требует учёта роли «наблюдателя» и используемых им экспериментальных средств (измерительных приборов). Положение кардинально меняется в неклассическом естествознании. Оказалось, что использование разных средств наблюдения, применяемых в исследовании одного и того же объекта, даёт в результате разные характеристики этого объекта, приводит к появлению противоречащих друг другу теоретических моделей, интерпретирующих данные характеристики. Показательно, что уже в первых изложениях концепции дополнительности Н. Бор пришёл к ясному осознанию философского статуса тех проблем, с которыми столкнулась формировавшаяся релятивистская физика. Он подчёркивал, что ситуация, сложившаяся в связи с проблемой интерпретации квантовой механики, имеет далеко идущую аналогию с общими трудностями образования человеческих понятий, возникающими из разделения субъекта и объекта.

В целом по отношению к науке философия является методологией. Методологическая деятельность, будучи рефлексией науки, отличается как от разработки и описания специфических методов научного познания, что составляет компетенцию самой науки, так и от исследования данных методов в предметах специальных научных дисциплин, например, в психологии. В методологии науки осуществляется осознание структур, лежащих в основе теоретического (научного) освоения человеком мира. Типичным примером методологической работы может служить категориальный анализ научного познания, например, исследование характерных для современной науки версий детерминизма, вероятности и т.д.

Как по отношению к науке, так и по отношению к человеческой жизнедеятельности вообще философия служит формой экспликации, обоснования и перестройки структур, определяющих отношение человека к миру. Поэтому интегральную характеристику общественной роли философии можно увидеть в том, что философия выступает са-

мосознанием культуры, или, говоря словами Гегеля, «философия... есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении». Обычно это качество философии обозначается как её мировоззренческая функция.

Какая философия

нужна современному университету?

Вернёмся к началу. Возможно ли в предлагаемых рассуждениях обнаружить хотя бы следы обстоятельств, объясняющих особенности современного состояния университетской философии? Думается, таких обстоятельств два.

Во-первых, утрата традиции философствования как особого способа мышления, отличающегося как от обыденного, научного, так от художественного. Риснём сравнить своеобразие философского мышления с музыкальным творчеством. Можно вспомнить Сальери: «Музыку я разъял как труп. Поверил я алгеброй гармонию». Вывод (если, конечно, следовать пушкинской версии ситуации) в том, что никакие формы сугубо рациональных средств не открывают дороги к подлинной музыке. Вот ещё пример на ту же тему: «Современные произведения песенного жанра часто похожи на статьи на первых полосах информационных таблоидов: отсутствие единой мысли, безумные заголовки... Как, например, в популярнейшей песне “мультишной” певицы Монеточки про 1990-е, где, согласно песне по радио звучал только “Ласковый май” и все “дрались” за джинсы с кока-колой».

Понятно, научиться музицировать и петь можно только слушая музыку и пытаясь добиваться гармонии в их воспроизведении. Но то же самое с философией. Учиться философии можно лишь изучая труды настоящих философов, статьи об их творчестве. Учебники сами по себе мало чем могут помочь, тем более что ни настоящих философов, ни хороших учебников что-то не просматривается. «Люди, желающие приобщиться к философии, должны ходить не на курс лекций по философии, а просто к философу», – говорил М. Мамардашвили. Совет, конечно, хо-

рош, но вряд ли исполним. Так что же, опять вспомним Мераба? Он писал: «Природа философии такова, что невозможно (и более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим, и тем самым обучить их» [13, с. 14]. С этим уже согласиться нельзя. Это был бы путь к идиотизму замкнутости в профессии. Сама по себе наука («нормальная наука», по Томасу Куну) не требует того, что И. Кант называл «самостоятельным применением разума». Он говорил: «Вообще нельзя назвать философом того, кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума» [14, с. 333]. Наука, по крайней мере иногда, тоже требует самостоятельного применения разума. Тематически, таким образом, преподавание философии должно включать два блока: историко-философское введение, с акцентированием на классических произведениях, и философию науки. В средневековье философия спасалась, обратившись к теологии и религии. Сегодня она может спастись, переориентировавшись на науку.

Литература

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества. Париж : Умса-Press, 1934. 191 с.
2. Рассел Б. История западной философии. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 939 с.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 447 с.
4. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. М. : Наука, 1977. 192 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
6. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 12. 879 с.
7. Никсифоров А.А. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.
8. Ясперс К. Введение в философию // Философские науки. 1993. № 4-6. С. 240–253.

9. Мамардашвили М. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии // Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
 10. Поттер К.Р. Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М.: Праксис, 2014. 290 с.
 11. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. 827 с.
 12. Лейбниц Г.-В. Соч. В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
 13. Мамардашвили М. Как я понимаю философию // Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
 14. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 712 с.
- Статья поступила в редакцию 10.11.20
Принята к публикации 20.12.20

References

1. Berdyaev, N.A. (1934). *Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva* [I and the World of Objects. Experience of the Philosophy of Solitude]. Paris: Ymca-Press, 191 p. (In Russ.).
2. Russell, B. (1946). *History of Western Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd. (Russian translation: Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1959, 939 p.)
3. Heidegger M. (1983). Die Grundbegriffe der Metaphysik (Welt–Endlichkeit–Einsamkeit). In: Heidegger M. *Gesamtausgabe. II Abteilung: Vorlesungen 1923–1944*. Band 29/30. Frankfurt a. M.: Klostermann. (Russian translation: Moscow: Respublika Publ., 1993, 447 p.)
4. Vernadsky, V.I. (1977). *Razmysbleniya naturalista* [Reflections of a Naturalist]. Moscow: Nauka Publ., 192 p. (In Russ.).
5. Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History: Collection of three works]. Moscow: Politizdat Publ., 527 p. (In Russ.).
6. Marx, K. (1958). *Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisei 1857–1858 godov)* [Economic Manuscripts of 1857–1858: Introduction]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd edition. Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat Publ., 879 p. (In Russ.).
7. Nikiforov, A.L. (1989). [Is Philosophy a Science?] *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*. No. 6, pp. 52–62. (In Russ.).
8. Jaspers, K. (1993). An Introduction to Philosophy. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*. No. 4–6, pp. 240–253. (In Russ.).
9. Mamardashvili, M. (1990). [Phenomenology is an Accompanying Moment of Any Philosophy]. In: Mamardashvili, M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How Do I Understand Philosophy?]. Moscow: Progress Publ., 368 p. (In Russ.).
10. Popper, K. (1984). *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. Open Court, 260 p. (Russian translation: Moscow: Praksis Publ., 2014, 290 p.)
11. Engels, F. (1961). *Dialectics of Nature*. In: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya*. [Works]. 2nd ed., vol. 20. Moscow: Gospolitizdat Publ., 827 p. (In Russ.).
12. Leibniz, G.W. (1982). *Sochineniya: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 636 p. (In Russ.).
13. Mamardashvili, M. (1990). How Do I Understand Philosophy? In: Mamardashvili, M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How Do I Understand Philosophy?]. Moscow: Progress Publ., 368 p. (In Russ.).
14. Kant, I. (1980). *Traktaty i pis'ma*. [Treatises and Letters]. Moscow: Nauka Publ., 712 p. (In Russ.).

*The paper was submitted 10.11.20
Accepted for publication 20.12.20*